

В.Ц. Головачёв

ИБ РАН

**«Страна Нургань» и внешняя политика
династии Мин в XIV–XV вв.**

В истории Китая конец XIV и начало XV в. связаны с небывалым подъёмом внешнеполитической активности династии Мин (1368–1644). Символом и апогеем этой политики стали знаменитые экспедиции адмирала Чжэн Хэ (1371–1435), предпринявшего семь крупных морских военно-торговых экспедиций в страны Индокитая и бассейна Индийского океана, вплоть до Мадагаскара и берегов восточной Африки. Куда меньшей славой пользуется проводившаяся в те же десятилетия внешнеполитическая деятельность на северных рубежах Срединной империи, в сферу влияния которой входило немало соседних стран и народов, включая Монголию, Корею и загадочную «страну Нургань».

В силу многих научных и политических причин «страна Нургань» и её роль в пограничной политике династии Мин уже больше века служат предметом активного внимания учёных всего мира [4]. Фокусом их споров служит вопрос о том, входила ли Нургань в состав империи Мин как одна из административных единиц, находившихся под прямым «эффективным управлением», или же она была «внешней» территорией, имевшей лишь эпизодические связи с Китаем, номинальным вассалом империи.

Ответ на этот сложный вопрос невозможен без предварительного ответа на ряд других вопросов. Например, где находилась и что представляла собой «страна Нургань»? Что представляли собой населявшие её в XIV–XV вв. племена «чжурчжэней»? Какова роль монгольского и корейского факторов в китайско-чжурчжэньских отношениях того времени? Что представляла собой политика Мин в отношении чжурчжэней, в том числе «диких» чжурчжэней из Нургани? Ответы на эти вопросы рассмотрены в данной статье.

Где находилась и что представляла собой «страна Нургань»?

Судя по имеющимся у историков сведениям, «страна Нургань», расположенная к северо-востоку от границ Китая, не имела чётких пределов. Считается, что она включала обширные территории вдоль Среднего и Ниж-

него Амура, рек Сунгари и Уссури, вплоть до самого Сахалина. Как писал китаевед П.С. Попов: «Первые упоминания о Нурганьской земле, по словам составителей Описания (Статистическое описание провинции Гириин. – В.Г.) встречаются уже в географическом отделе Юаньской Истории, где говорится, что „есть прекрасная птица Хай-дун-цин (кречет), которая прилетает в Нурганьскую землю“. В Чжо-гэн-лу, т.е. „Записках, составленных на досуге от земледельческих работ“, изданных Тао Цзун-и в 1368 г. также встречается упоминание о Нурганьской земле, как стране, служившей местом ссылки. В Минской Географии говорится, что „от Нюй-чжи на С. доходят до Нурганьского северного моря“» [21, с. 18].

Характерно, что в китайских источниках «Нургань» устойчиво связано со словом 國 (страна, государство), подразумевающим некую обособленную территорию со своим «государственным людом» 國人之人. В обоих китайских текстах Тырских стел¹ слово 國 употреблено в связи с описанием Нургань по 5 раз [5, с. 60–65, 94–96, 221–222, 272–273]. При этом новая далёкая периферия империи Мин – «страна Нургань» (Нургань 國 奴兒干國), как прямо пишут авторы стелы 1413 г., лежит вне границ древнего Китая, который во времена Яо и Шуня² «не выходил за пределы девяти областей» [21, с. 65].

Об огромных просторах, удалённости и труднодоступности Нургань говорит и тот факт, что по пути от управления Ляодун, вдоль рек Сунгари и Амур, до конечной нурганьской станции Маньцзин в минское время имелось 45 почтовых станций. Тексты Тырских стел прямо сообщают о «северо-восточной стране Нургань, путь в которую [уходит] за пределы трёх переводов» (трёх языков) и составляет «10 с лишним тысяч верст». По признанию авторов стелы 1433 г.: «трудно достигнуть тех мест без похода на лодках, без [вырубки-?] леса... Во времена Хунью отправили послов, [чтобы] достигнуть той страны, но [так и] не добрались...» [21, с. 61, 94, 221, 272]³.

Лишь в 1404 г., добравшись до этих мест, послы Мин объявили о создании военного округа (衛 衛)⁴ Нургань под началом четырёх местных вождей. В 1411 г. он был преобразован в «главное выездное командное управление Нургань» (Нургань 都 奴兒干都指揮使司), далее сокращённо – управление Нургань), хотя и после этого Нургань оставалась в наследственном правлении местных вождей⁵.

Население «страны Нургань» в XIV–XV вв.

Что же представляли собой народы, обитавшие к началу XV в. в низовьях Амура, в «стране Нургань»? Прежде всего, следует отметить крайнюю этническую пестроту и разрозненность местных племён, говоривших на разных языках, имевших самобытные обычаи и неодинаковый образ жизни.

В целом, в начале правления минской династии на северо-востоке проживали две большие группы туземцев: урянхайцы (кит. улянха 兀良哈) на западе и чжурчжэни⁶ (кит. жучжэнь 女真⁷) на востоке. Племена урянхайцев населяли район к северу от р. Ширамурэн (р. Хуаншуй в Маньчжурии) и к югу от Верхнего Амура и озера Далайнор. На западе их земли граничили с горами Хинган, а на востоке – с бассейном р. Сунгари⁸. В 1389 г. раз-

громленные в землях урянхайцев монгольские князья выразили покорность Мин, после чего основатель новой династии Чжу Юаньчжан (Тай-цзу 太祖, 1368–1398) немедленно учредил в этом районе три *вэя* – Доянь, Фуюй и Тайнин. Характерно, что, действуя в духе танской традиции, император назначил главами трёх *вэев* не пришлых чиновников, а прежних туземных вождей. Изданный по этому случаю указ закреплял за урянхайцами право на сохранение коренных обычаев и образа жизни, позднее распространённое и на чжурчжэней северо-востока. Указ гласил: «Мы очень довольны, что вы явились к Нам в согласии с мандатом Неба. Нашей постоянной политикой было относиться великодушно к тем чиновникам и подданным павшей династии, которые добровольно покорились Нам... отныне вы можете поселиться в ваших племенах и вести мирную кочевую жизнь. ... **Мы позволяем вам сохранять свои коренные обычаи, как отвечающие вашим внутренним наклонностям** (выделено мной. – В.Г.). Посему пребывайте в мире!» (цит. по [30, р. 13]). В итоге земли урянхайцев были включены в сферу господства империи Мин.

Что касается чжурчжэней, то к началу Мин их племена делились на три основные группы: 1. жившие на востоке от урянхайцев чжурчжэни Хайси (район Харбина, вдоль рек Ашихэ и Сунгари, к западу от р. Муданьцзян); 2. чжурчжэни Цзяньчжоу (районы Нингута и Саньсин к востоку от Чанбайшань, к югу от Хайси, к северу от рек Ялуцзян и Туманган); 3. «дикие» чжурчжэни, в том числе нивхи (*цзилеми* 吉列迷, или *цилеми* 乞烈迷) и другие народности, обитавшие к северо-востоку от первых двух групп. Первые две группы обитали у самых северных границ Китая (современные провинции Хэйлунцзян и Цзилинь), ежегодно подносили дань двору, активно китаизировались и вели вполне стабильную оседлую жизнь, связанную с земледелием. В свою очередь, «дикие» чжурчжэни населяли обширные районы вдоль Нижнего Амура, р. Уссури до берегов океана, где вели «лесную жизнь», занимались охотой и рыболовством [30, р. 14; 10, с. 59, 71, 92–94]. В землях «диких» чжурчжэней и были возведёны Храм Вечного Покоя (Юннинсы) и две Тырские стелы.

В реальности «дикие» чжурчжэни вовсе не обязательно были таковыми лишь потому, что власти Мин относились к ним как к «дикарям» (равно как и к чжурчжэням Цзяньчжоу и Хайси). Термин «дикие чжурчжэни» был лишь расхожим штампом из неясной китайской классификации, субъективно делившей всех варваров на «окультуренных» (*шу* 熟), «неокультуренных» (*шэн* 生) и «дикарей» (*ежэнь* 野人). Под ярлыком «диких» в китайских бумагах обычно фигурировали далёкие чжурчжэньские племена, чьи вожди не подносили или «нерегулярно подносили» дань и так же нерегулярно получали чины и титулы от минского двора [6, цз. 107, § 65; 10, с. 59, 71, 92–94].

«Дикие чжурчжэни» делились на две большие группы: чжурчжэней Восточного моря и Приамурья. Как заключает американский учёный Хуан Пэй, в группу Восточного моря входили самые разные племена: уцзи (учжэ), варка, хурха, нанайцы (гольды) и др. В целом эти племена обитали в районе между низовьями р. Сунгари и Японским морем, включая

Приморский край. Поскольку по языку и обычаям они были тесно связаны с чжурчжэнями Цзяньчжоу и Хайси, именно они стали первым объектом объединительных усилий Нурхаци, пославшего в 1598 г. войска для покорения племён Восточного моря [13, с. 78, 94, 95; 31, с. 264].

Приамурские чжурчжэни делились на ещё большее число племён. В низовьях Амура, вплоть до Сахалина, жили *цзилими* 吉里迷, или *цзилеми* 吉烈迷, т.е. нивхи (гиляки)⁹, а также, вероятно, предки современных орочей, ульчей, удэгейцев и ороков, известные под собирательными названиями *учжэ* 兀者, *учжэ ежэнь* 吾者野人 (букв. «дикари *учжэ*») и *удигай* 兀的改 [32, с. 55]. Вдоль северного берега среднего течения Амура жили племена сахальянь, а на южных берегах – часть племён хурха. Районы среднего течения и верховой Амура, по-видимому, населяли предки солонов, дагуров и эвенков [19; 31, с. 265].

Известие о населявших пограничную область Нургань *цзилеми* (нивхах) и *куи*, или *кувэй* (айнах), содержится и в текстах Тырских стел. Очевидно, в давние времена *цзилеми* включали в себя не только нивхов, но и другие этнические группы. Как полагает Вада Сэи, из упоминаемых в китайских источниках 4-х племён *цзилеми* «настоящими *цзилеми*» были лишь те, кто жил около устья Амура. Три прочих племени («дикие чжурчжэни», «дикари северных гор» или просто «дикари») были тунгусами [32, с. 78–79, 101]. В отличие от заметно китаизированных оседлых чжурчжэней Хайси и Цзяньчжоу, все эти племена занимались в основном охотой и рыболовством, а их образ жизни и социальные отношения, судя по данным китайских источников, были близки к первобытным.

Наиболее точное описание расселения и обычаев туземцев нижнего Амура имеется в описании *Кайюань синь чжи* 開原新志 («Новые анналы [округа] Кайюань». – *Ред.*) времён монгольской династии Юань. Хотя это сочинение утрачено, небольшой раздел из него под названием *Жучжи* 女直 («Чжурчжэни»), сохранился в кн. 89 минского трактата *Да Мин итун чжи* 大明一統志 («Общее описание Великой Мин») [32, с. 55]. Приведём отрывок из этого трактата с описанием чжурчжэней Цзяньчжоу и «диких» чжурчжэней:

«В Цзяньчжоу существуют обычаи, несколько напоминающие старые обычаи в Кайюане. Река Наовэньцзян (Сунгари) течёт из Хайси к Амуру. Этот район называют „дикие чжурчжэни“. Люди обычно занимаются земледелием. Собираются, чтобы выразить уважение друг к другу. Каждый приносит очищенное спиртное в рыбном пузыре. Сидя на земле, поют и выпивают. Если возникает какая-то ссора, сразу хватаются за лук и стрелы и стреляют друг в друга... *Цзилеми* (гиляки) разделены на четыре племени. Характером мягки, но жестоки, жадны и хитры. Ловят рыбу для пропитания. Носят простые некроенные одежды. Летом используют [для одежды] рыбью кожу, зимой используют собачьи шкуры. Не знают пяти злаков и шести домашних животных. Только очень много собак. Используют их для вспашки земли и питания. Мертвецов потрошат и сжигают, а прах помещают на верхушках деревьев. *Цзилеми* живут в 3000 с лишним вёрст

от Нургани. Одно малое племя называют „дикие чжурчжэни“. Характером тверды, но жадные. Татуируют лица и носят волосы пучком. Шапки убраны красными лентами. Края одежд украшены цветными орнаментами. Носят только штаны, без исподнего. Шапки женщин увешаны жемчугом. Одежды обшиты бубенчиками. Кормятся охотой в горах. Если жарко, то живут на природе. Если холодно, то селятся в закрытом помещении... *Цзилеми* [имеют] мало мужчин и много женщин. Как только рождается девочка, заранее назначают помолвку с подношением собаки. Выходит замуж в 10 лет. Питаются только грубой пищей» [32, с. 57–59].

При всей отсталости и отдалённости «диких чжурчжэней», занимаемые ими окраинные земли имели важное стратегическое значение для китайцев. С глубокой древности водный путь по рекам Сунгари и Амур играл роль важной торгово-транспортной артерии в северной Маньчжурии. В одну сторону по ней переправлялась дань китайскому двору и экзотичные товары северных морей. По этому же пути посылались ответные подарки от китайского двора, которые следовали обратно по Амуру до Сахалина, затем на юг, до о. Хоккайдо и доходили до самой Японии. По этой причине многие династии, в т.ч. Ляо, Цзинь, Юань, Мин и Цин, пытались всемерно использовать данный торговый путь [32, с. 44]. Большую роль ему отводили правители монгольской империи, в своё время мечтавшие завоевать Японию, пытавшиеся использовать низовья Амура и Сахалин как опорные базы для вторжения на Японские острова и, в то же время, для отпора вторжениям айнов с Хоккайдо. По данным *Юань ши* 元史 («Истории [династии] Юань»), *цзилеми* признали вассальную зависимость от монгольской династии в 1264 г. [27, цз. 5]. Для контроля над этими землями в 1263 г. в Тыре была основана ставка главнокомандующего восточных походов (*дунчжэнь юаньшуйай фу* 東征元帥府). Примерно тогда же на Тырском утёсе появилась кумирня, предшественница минского храма Юннинсы. В 1297 г. и в 1355 г. монголы создали в низовьях Амура два «управления десяти тысяч дворов» (*ваньху фу* 萬戶府) для контроля над *учжэ* и *цзилеми* (нанайцами и нивхами) [1, с. 154–155; 32, с. 55] При Мин ими ведало управление Нургань.

Монгольский и корейский факторы китайско-чжурчжэньских отношений

В период становления империи Мин на рубеже XIV–XV вв. двумя решающими внешними факторами китайско-чжурчжэньских отношений оставались отношения с монголами и корейцами. С одной стороны, власти Мин прилагали активные усилия для разделения ещё не покорённых монголов и чжурчжэней, с другой – стремились привлечь к себе те племена чжурчжэней, которые находились в вассальной зависимости от Кореи.

1. Монгольский фактор политики Мин

Воцарение монгольской династии Юань стало поворотным пунктом в истории китайской экспансии на северо-восток. Действуя из района, где был впоследствии построен Пекин, монголы распространили своё присутствие до самых дальних участков реки Амур. Это послужило

примером для следующей династии Мин, которая, будучи чисто китайской, могла использовать опыт и результаты монгольской политики, чтобы претендовать на установление прямого контроля над новыми северо-восточными землями за пределами Ляоси и Ляодуна (к западу и востоку от реки Ляохэ) [30, р. 2–3].

В целом переход политической власти от династии Юань к династии Мин оказал существенное влияние на положение чжурчжэней в Маньчжурии. Несмотря на своё изгнание из Китая, монголы по-прежнему были угрозой и источником главных неприятностей для минских правителей. К примеру, в Маньчжурии монголы держались против Мин ещё целых 20 лет (1368–1387). Они часто нападали на Китай и позднее, особенно после периода Юнлэ (1403–1424), пика расцвета Мин. В связи с этим власти Мин уделяли первостепенное внимание обороне границ и принимали меры к тому, чтобы иметь достаточно войск для борьбы с набегами монголов [31, р. 256].

Начало этой политике положил основатель Минской династии Чжу Юаньчжан, поставивший во главу угла безопасность северных, особенно северо-восточных границ. Восстановление власти в Ляодуне и Ляоси, традиционно считавшихся китайскими землями, не представило особых трудностей для минского двора. Эти земли были присоединены уже вскоре после падения монгольского режима [30, р. 3]. Но затем перед Минами возникли новые трудности, так как сразу после отступления из Пекина монголы закрепились в трёх районах. Большинство из них во главе с потомками императорской семьи собрались к северу от Калгана и прохода Губэй. Вторая часть, руководимая генералом Ван Баобао (ум. 1375. – *Ред.*), сохранила позиции на западе, в пределах Великой китайской стены, с центром в Динси, провинции Ганьсу. Третья группа монголов, во главе с генералом Накачу, укрепились на северо-востоке, сделав своей ставкой г. Цзиньшань.

Для разгрома всех трёх группировок минские войска предприняли серию успешных военных походов. В результате первой кампании в 1370 г. против центральной и западной группировки монголов Мины вернули под свой контроль земли Ляоси. В 1371 г. была послана первая экспедиция на северо-восток, итогом которой стало подчинение Ляодуна и восстановление китайской власти во всём бассейне реки Ляохэ [30, р. 4–5].

Но политика Тай-цзу не ограничилась районом Ляохэ. Путём упрочения безопасности и расширения границ на северо-востоке основатель династии хотел повторить успехи династий Хань и Тан, а также превзойти величие монгольских ханов. Соответственно, достижение этой стратегической цели требовало решения ряда тактических задач [30, р. 6]:

1. Завершить военный разгром и покорение монголов.
2. Нормализовать отношения с вассальной Кореей.
3. Покорить племена туземцев на северо-востоке.
4. Изгнать японских пиратов из прибрежных вод Ляодуна.

Три первые из перечисленных задач имели определяющее значение для китайско-чжурчжэньских отношений.

Поскольку после поражения в 1370 г. монголы не смирились со своей участью и продолжали набеги, власти Мин были вынуждены переселить часть пограничного населения во внутренние земли провинции Хэбэй и организовать против монголов серию ответных экспедиций на север [30, р. 6–7]. Лишь в 1380 г. китайские войска вошли в Каракорум и положили конец угрозе с запада. После этого Тай-цзу обратил внимание на опорные базы монголов на северо-востоке. Весной 1387 г. минские генералы начали решающее наступление против генерала-наместника Накачу и уже к лету вынудили его к добровольной сдаче.

Капитуляция Накачу означала конец монгольской власти на северо-востоке и начало китайских усилий по расширению минской империи за пределы района Ляохэ. Хотя к тому времени уже не оставалось серьёзных соперников, способных оспорить господство Мин на северо-востоке, на севере всё ещё сохранялась угроза с территории Монголии. В 1388 г. китайская армия нанесла окончательное поражение монгольской армии на севере от озера Буирнор, довершив разгром экспедицией 1390 г. В итоге монголы уже не смогли оправиться после этих поражений, а последние попытки возродить единство монголов в период между 1407 и 1410 гг. были пресечены военными походами императора Чжу Ди (Чэн-цзу 成祖, 1402–1424) [30, р. 8–10].

2. Корейский фактор в политике Мин

Проблема умиротворения чжурчжэней в значительной степени зависела от влияния Кореи. Многие чжурчжэньские племена были не только близкими соседями Кореи, но и долгое время платили ей дань. Поэтому корейцы очень ревниво следили за активизацией минской политики у своих северных границ [12, с. 258; 33, р. 47]. Корейские пограничные чиновники постоянно докладывали своему правителю о контактах Мин с чжурчжэнями, что подтверждает обилие известий об этом в корейских хрониках *силлок* 實錄 («правдивых записях» с хроникой придворных дел, от кит. *шилун*). Хорошей осведомлённости корейцев о китайских посольствах в земли чжурчжэней способствовало и то, что эти посольства следовали по большей части через корейские земли и делали остановки в корейской столице. При этом корейский правитель часто отряжал своих чинов для сопровождения китайских послов к чжурчжэням [33, р. 47].

На закате династии Юань Корея также оказалась охвачена беспорядками. В 1364 г. корейская армия под командованием генерала Ли Сон Ге (1335–1408. – *Ред.*) подошла к северной границе страны и подчинила чжурчжэньские поселения в Цзичжоу. Миграция корейцев позволила установить в 1390 г. в этих местах корейскую администрацию. После падения Юань и временного спада активности Мин на северо-востоке из-за неудачи экспедиции 1380 г. в Одоли¹⁰ корейцы быстро использовали выгодный момент и попытались начать политику экспансии в сторону чжурчжэньского мира [30, р. 16].

Действиям корейцев способствовала и встречная миграция чжурчжэней из Цзяньчжоу. Сразу после отхода войск Мин в 1380 г. в Кайюань среди северных чжурчжэней произошли большие перемены.

«Дикие» чжурчжэни из районов Амура и Уссури, видимо, двинулись на юг. Под их давлением китаизированные чжурчжэни Цзяньчжоу и Хайси также покинули свои места обитания у р. Сунгари и начали переселяться на юг, в район р. Туманган. В ходе этой миграции, примерно ко второй четверти XV в., чжурчжэни Хайси (холла и одоли) уже практически смешались с чжурчжэнями из Цзяньчжоу. Исход из Цзяньчжоу на Туманган переместил центр жизни китаизированных чжурчжэней к границам Кореи и обеспечил корейцам возможность для экспансии. Генерал Ли Сон Ге установил патронаж над пришлыми чжурчжэнями и начал давать им чины и титулы. Став королём Кореи в 1391 г., он сразу распространил своё управление и на правый берег р. Туманган.

Однако действия Кореи были изначально несовместимы с планами её сюзерена в лице правительства Мин, желавшего не только взять под свою власть всех чжурчжэней, но и сохранить северо-восток Кореи как китайскую территорию. Для этого в 1386 г. в Ляояне был создан военный округ Дуннин, подчинённый Высшему военному командованию Ляодуна и ведавший делами чжурчжэней [12, с. 252; 15, цз. 187, л. 7а; цз. 189, л. 17а]. Хотя Корея охотно признала господство Китая, власти Мин внимательно следили за действиями корейцев на границе, особенно за связями корейцев с чжурчжэнями. Для предосторожности они создали примерно 17 застав в районе к северу от р. Ялуцзян [30, р. 17–18].

В январе 1388 г. Мины уведомили Корею о том, что район к северу, востоку и западу от Телина на р. Ялуцзян является частью округа Кайюань, а живущие там чжурчжэни и корейцы пребывают под властью Ляодунского управления. Население к югу от Телина (на р. Ялуцзян) остается под юрисдикцией Кореи, но установленные границы «должны охраняться и не должны допускаться никакие вторжения» [12, с. 253; 15, цз. 187, л. 7б].

Миссия активного урегулирования чжурчжэньских дел выпала на долю императора Чэн-цзу (1402–1424). В декабре 1402 г. минские послы доставили чжурчжэням высочайший указ, сообщавший о восшествии на трон нового императора и приглашавший их вести торговлю, а также явиться ко двору вместе с китайским послом [12, с. 259; 15, цз. 14, л. 8а]. В декабре 1403 г. император создал Цзяньчжоуский *вэй*, расположенный в районе Яньци (на Тумангане), который корейцы считали своей подвластной территорией. Это был первый чжурчжэньский *вэй*, созданный в период Юнлэ. По данным корейского источника *Лиджо силлок* 李朝實錄 («Летописи династии Ли»), за полгода до этого, в 6-м месяце 1403 г., корейский двор обсуждал вопросы о приграничных чжурчжэньских племенах одоли, удиха, а также урянхайцах, которым минский император приказал явиться с данью, хотя прежде они были подвластны Кореи [12, с. 259].

Оказавшись в крайне двусмысленном положении, Корея пыталась переиграть своего сюзерена в чжурчжэньской политике или, как минимум, снизить эффективность его действий. Но изощёренная дипломатия оказалась безуспешной, так как позиция Кореи была ослаблена её собственным

вассалитетом в отношении Китая, а для чжурчжэней привлекательность Мин намного превышала притягательную силу Кореи. О степени недовольства Кореи пограничной политикой Мин свидетельствует доклад корейского чиновника, представленный королю 5 числа 10 месяца 1406 г.: «Король прилагает все усилия, чтобы верно служить Мин. Но когда император [Мин] учредил [*вэй* в] Цзяньчжоу на восточной окраине [Минской империи], это подобно тому, что он схватил нас за горло и правую руку. За пределами [Кореи минский император] создаёт вассальные владения, чтобы переманивать наш народ, а нам жалует особые дары, чтобы усыпить нашу бдительность» [33, р. 55–56; 12, с. 263; 14, с. 196–197].

В итоге, Корея, встревоженная неблагоприятной перспективой утраты контроля над чжурчжэнями, направила ко двору Мин прошение о закреплении за ней права контролировать земли и население к югу от р. Туманган. Довольно неожиданно император Чэн-цзу решил прибегнуть к умеренной политике и одобрил петицию вассального царства, что узаконило фактический контроль Кореи над этим регионом. Но власти Мин не оставили претензий на племена одоли в Хуйнине и в 1405 г. включили их в Цзяньчжоуский *вэй*. Таким образом, отношения Китая с Кореей были урегулированы. Китай навсегда оставил попытки проникнуть на юг от р. Туманган. В то же время Мины свели на нет все усилия Кореи утвердить своё влияние к северу от этой реки [30, р. 19].

Политика Мин в отношении чжурчжэней

1. Основные принципы политики Мин

В период относительного безвластия, связанный с падением Юань и становлением династии Мин, чжурчжэни в Маньчжурии, лишившиеся имперской защиты и посредничества, стали более уязвимы для грабивших их монголов, усилились также межплеменные и внутренние конфликты. Эти трудности, наряду с социальными и экономическими проблемами, привели в конце XIV – начале XV в. к миграции чжурчжэньских племён на юг. Наряду с миграцией, суровые обстоятельства побуждали пограничные племена к поискам более надёжной защиты со стороны новой династии и предопределяли их заинтересованность в более ошутимом присутствии минских властей в местах своего обитания [33, р. 43; 12, с. 257; 31, р. 257].

В свою очередь, не отказываясь от ставки на военную силу¹¹, Мины применяли в отношении чжурчжэней преимущественно невоенные методы. Чтобы наладить связи с местными племенами, они пытались привлечь на сторону империи часть чжурчжэньских вождей и бывших юаньских чиновников на северо-востоке [12, с. 253]. Для этого Мины задействовали весь набор дипломатических способов «умиротворения варваров», включая подкуп вождей, а также испытанную веками «политику привязывания» (*цзими чжэньцэ* 羈縻政策) и «сдерживания варваров руками варваров» (*и и чжи и* 以夷制夷).

Важнейшим средством поддержания мира на границах была активно проводившаяся Минами политика раскола и ослабления чжурчжэней. Эта

политика «разделяй и властвуй» была направлена, во-первых, на разделение чжурчжэней и монголов, во-вторых, на разделение урянхайцев и чжурчжэней. И, в-третьих, она была нацелена на разделение каждой из этих этнических групп на ещё более мелкие единицы. Хотя чжурчжэни и урянхайцы были этнически различны и причислялись китайцами соответственно к восточным варварам (東夷 *дун и*) и к северным варварам (*бэй ди* 北狄), политическая гравитация между этими этническими группами была чревата для Китая катастрофичными последствиями. В доминский период (до XIV в.) объединение их усилий не раз приводило к воцарению в Китае мощных иноземных «завоевательных династий». Именно так возникли покорившая бассейн Хуанхэ чжурчжэньская династия Цзинь и завоевавшая весь Китай монгольская династия Юань. Чтобы предотвратить повторение столь опасной ситуации, власти Мин и проводили, начиная со 2-й половины XIV в., последовательную политику разделения урянхайцев и чжурчжэней, разделения чжурчжэней и монголов, а также разделения самих чжурчжэней.

Суть и цели этой политики предельно ясно выразил минский автор Вэй Хуань:

«В начале династии восточные варвары (*дун ху* 東胡) были разделены на 300 с лишним *вэев*, [а также] урянхайцы (*улянха* 兀良哈) состоят в трёх *вэях*, и в каждом были поставлены главнокомандующие (*дуду* 都督). Это является высочайше [предложенной] системой осуществления управления племена привязывания (*цзими* 羈縻). Если племена разделены между собою, они [остаются] слабыми и их легко держать в повиновении. Если племена разделены, они чуждаются одно другому и легко подчиняются. Мы поощряем кого-либо [из вождей] и позволяем им воевать между собою. Это является принципом [ведения] политики, который гласит: внутренние войны между варварами благоприятны для Китая. Чжурчжэни представляют дань один раз в год, три *вэя* [урянхайцев] – дважды в год» [3, цз. 2, л. 166; 12, с. 264; 33, р. 5].

В итоге, контроль Минов над племенами чжурчжэней оказался не менее эффективен, чем при династии Юань. Как справедливо заключает Г.В. Мелихов, будучи весьма заинтересованными в контактах с чжурчжэнями, Мины проводили на северо-востоке стройную и целенаправленную политику. Целью этой политики были не новые территориальные приобретения, а, прежде всего, обеспечение спокойствия и неприкосновенности северо-восточных границ Минской империи. И эти цели достигались не военным, а исключительно дипломатическим путём [2, с. 41–42; 12, с. 263–264].

2. Пути и средства реализации чжурчжэньской политики Мин

Первые попытки китайцев привести чжурчжэней под контроль Мин имели место уже в 1382 г. [23, цз. 142, 187, 189, 190; 33, р. 48–49]. По мере упрочения Мин и устранения угрозы внешнего нападения в период Юнлэ (1403–1424) политика Мин на северо-востоке всё более активизировалась. Начиная примерно с 1400 г. Мины соперничали с корейцами за

привлечение чжурчжэней на свою сторону и за усиление влияния на чжурчжэней в Маньчжурии. Для реализации этой политики власти Мин прибегали к таким средствам, как расширение торговли, дипломатия и административный контроль. В частности, в период с 1402 по 1410 гг. источники упоминают не менее 15 китайских посольств к чжурчжэням¹² при ещё большем числе чжурчжэньских посольств к минскому двору [33, р. 49; 12, с. 253]. Для наведения и поддержания порядка на всём северо-востоке обширной империи власти Мин включили чжурчжэней в особую систему военных округов (*вэев*), основанную ещё монголами и отвечавшую нуждам времени [30, р. 25; 31, р. 257]. Сначала эта система была введена императором Тай-цзу в южной Маньчжурии и на северных границах Китая. Последующие правители Мин, прежде всего Чэн-цзу (Чжу Ди), распространили её далее на север, вплоть до Сахалина.

В одном только 1406 г. Мины создали 25 новых *вэев* и тысячедворных военных постов (*цяньху со* 千戶所). В 1407 г. отмечено появление наибольшего за период Юнлэ числа новых единиц – 33 *вэя* и 3 тысячедворных военных поста. В 1409 г. было учреждено 30 новых *вэев*, в 1409 г. – 21 *вэй* и 1 тысячедворный военный пост. Позднее число новых *вэев* уменьшается до 6–8 в год. Тем самым источники подтверждают, что в этот период империя Мин провела в отношении чжурчжэней серию последовательных дипломатических акций, нацеленных на вывод чжурчжэньских племён из-под влияния Кореи и их переподчинения Китаю [12, с. 263–264].

В целом минские провинциальные администрации были дуальны по структуре, а их население делилось на две категории: гражданское и военное. Относившиеся к военной категории подлежали призыву в армию, а гражданские платили более высокие налоги. Население военной категории в провинциях входило в военные округа (*вэй*) и посты (*со*). *Вэй* обычно состоял из 5600 человек. Посты были двух видов: тысячедворные (*цяньху со* 千戶所) и стодворные (*байху со* 百戶所). Тысячедворные посты включали 1120 человек, а стодворные имели по 112 человек. *Вэй* и посты подчинялись главным выездным командным управлениям, которые, в свою очередь, подчинялись ставке генерального командования пяти армий (*уцзюнь дуду фу* 五軍都督府).

Такой дуализм гражданской и военной власти существовал в каждой провинции. Но на границах и в стратегически важных районах, где военный аспект играл главную роль, дуальная система уступала место чисто военному управлению. Именно такое положение сложилось в северо-восточных владениях Мин, которые территориально делились на две большие зоны: внутреннюю (Ляодун и Ляоси – к востоку и западу от р. Ляохэ) и внешнюю (все земли за пределами внутренней зоны) [30, р. 25–26].

Внутренняя зона включала и китайские, и чжурчжэньские *вэй*. Это позволяло минским властям гибко включать в орбиту своего контроля пограничных «варваров», пожелавших «вверить себя цивилизации», и давало всей системе возможность свободного расширения. Для управления народами внутренней зоны, прежде всего китайцами, Мины со-

здали в 1371 г. Ляодунский *вэй*, укрупнённый в 1375 г. до главного управления Ляодун (*Ляодун дусы* 遼東都司) [30, р. 25–27; 31, р. 258].

Внешняя зона состояла из туземных *вэев* и постов, которые представляли собой не столько военные единицы, сколько наследственные владения местных правящих кланов. Войска этих *вэев* редко участвовали в военных кампаниях, но формально подчинялись высшему армейскому руководству империи и были неким придатком военной системы Мин. В целом внешняя зона включала земли урянхайцев (3 *вэя* к северу от р. Ширамурэн), а также территории чжурчжэней, простиравшиеся к северу за р. Ляохэ. В годы правления Чэн-цзу земли чжурчжэней были поделены на 184 *вэя* и 24 военных поста, а также ряд станций (*чжань* 站), местечек (*диань* 地面) и острогов (лагерей, *чжэй* 寨) [30, р. 26–29].

Сочетание контролируемых китайцами главных выездных командных управлений с местными *вэями* и постами во главе с местными вождями являло собой компромисс между местным и имперским правлением. Местное правление было необходимо потому, что, во-первых, образ жизни туземцев далеко не вписывался в строгие рамки китайских норм. Во-вторых, прямое китайское правление было сопряжено для казны с огромными расходами, тогда как местные военачальники не получали жалованья и жили за счёт кормления на местах. Наконец, в любой нужный момент имперский контроль мог быть восстановлен или усилен при помощи упомянутых главных управлений [30, р. 31–32].

Как правило, Мины позволяли чжурчжэням сохранять свои обычаи и образ жизни, а их вожди утверждались на посты официальных глав их личных вотчин с присвоением соответствующим чинов, титулов и регалий. Такие назначения усиливали статус туземных вождей и давали им важную привилегию в виде отправки посольств к минскому императору и контроля над торговлей с Китаем, которая велась под маркой обмена посольствами. В обмен на признание этих прав и привилегий вожди туземцев были обязаны охранять мир на границах с Китаем, посылать дань к минскому двору, а также выполнять различные особые предписания [31, р. 259–260].

Судя по упоминаемому в источниках количеству чжурчжэньских наследных владений, население каждого из них было немногочисленным. Создание столь большого числа административных единиц не оставляет сомнений в целях и мотивах имперских властей. Будучи разделёнными, варвары не могли представлять сколько-нибудь серьёзную угрозу. Дробление чжурчжэньских владений позволяло Минам не только обеспечить их политическую дезинтеграцию, но и ограничивало мобильность туземцев. Вторжения в пределы чужих владений без санкции имперских властей были запрещены. Чтобы усилить привязанность чжурчжэней к своим владениям и ослабить их кочевую мобильность, Мины и поддерживали систему жалования вождям чжурчжэней наследственных постов, титулов и земель. Если сын занимал пост умершего отца, то он должен был получить от Китая санкцию на законное правление, ниспосылавшуюся в

виде Императорской грамоты о назначении и официальной печати (*си-шу* 璽書). Обычно преемник получал титул на ступень ниже предшественника. Причём этот титул ему давали не сразу, но после испытательного срока в несколько лет с учётом личных заслуг [30, p. 35–37].

В целом, такая система пограничного военно-административного управления позволяла Минам более или менее формально править чжурчжэнями в течение почти двух веков. С 1570-х гг. династия Мин окончательно утратила контроль над северо-восточными границами империи. И в этих условиях чжурчжэньские племена были объединены под властью Нурхацы [31, p. 259].

3. Политика Мин в отношении приамурских чжурчжэней

Одним из самых уникальных достижений Чэн-цзу были, несомненно, его амурские экспедиции и распространение китайского влияния на этот регион. В рамках своей северо-восточной политики, одновременно с уже упомянутыми действиями на корейском фронте, Чэн-цзу прилагал особые усилия для привлечения под своё крыло нурганьских *цзилеми*.

Первым, кто обратил внимание на этот регион, был не минский Чэн-цзу и даже не Тай-цзу, но Хубилай-хан (1260–1294), верно оценивший стратегическую важность Нижнего Амура для подготовки походов на Японию. В XIII в. Хубилай планировал создать морскую базу на Сахалине, используя в качестве тыловой базы Нургань. В соответствии с этим планом, он создал в устье Амура «ставку главнокомандующего восточных походов» [30, p. 20–21]. И хотя этот план не был реализован, великие замыслы монгольского правителя явно вдохновили Чэн-цзу. Придя к власти он как один из самых амбициозных правителей Мин решил построить невиданную империю, простиравшуюся на севере до самого устья Амура. Но эти замыслы были продиктованы не только духом завоеваний, была в них и практическая цель. Вот как сам Чэн-цзу объяснил это своим придворным, направляя одну из экспедиций в Нургань: «Не потому что Мы хотим захватить берега Амура, а потому что Мы желаем защититься от будущей угрозы, так как рассеянные в этих регионах люди некогда беспокоили Нашу границу и представляли великую угрозу, несмотря на „золото и шелка“ Сунской династии. Ныне, когда они выражают желание покориться, Мы должны использовать Нашу возможность завоевать их преданность путём наших назначений и милостей. Как говорят, нужно отдавать малое, дабы уберечь от больших неприятностей» (цит. по [30, p. 20–21]).

Иными словами, скрытым мотивом политики Чэн-цзу было «умиротворение для обеспечения мира». При этом для достижения своих целей он предпочёл опираться в основном на такт и дипломатию без войн и кровопролития. Владения империи в далёких и трудно контролируемых амурских землях должны были основываться на добровольной покорности туземцев. Поэтому Чэн-цзу особенно тщательно избегал неподготовленных, преждевременных действий. Каждый год или два он направлял послов, чтобы узнавать о настроениях туземцев и привлекать их симпатии. Первый шаг к их присоединению был предпринят ещё в 1404 г., ко-

гда был создан Нурганьский *вэй* под началом местных вождей. А в 1411 г. он был преобразован в уже упоминавшееся главное выездное командное управление Нургань, номинально ведавшее всеми чжурчжэнями вдоль рек Амур, Сунгари, Уссури, вплоть до Сахалина [30, р. 20; 31, р. 258].

В то же время Чэн-цзу не преминул подкрепить свои дипломатические ходы реальной силой. Для преодоления расстояний и просторов Нургани он использовал естественные водные пути, которыми изобилует природа на северо-востоке. Были открыты 45 почтовых станций на пути от Ляодуна до станции Маньцзин, около храма Юннинсы. На реках за пределами района Ляохэ была построена мощная флотилия для патрулирования и демонстрации силы, а также доставки провианта и других грузов для гарнизонов в Нургань. По некоторым данным, основанные Чэн-цзу судовой верфи в Гирине оставались загруженными работой ещё 7 или 8 лет после его смерти [30, р. 20–22].

Как говорилось выше, начало XV в. в Китае совпало с эпохой великих морских экспедиций, организованных властями Мин. В те самые годы, когда китайские корабли достигали южных морей и Индийского океана, на севере активно предпринимались речные экспедиции в страну Нургань. Таким образом, с помощью военных экспедиций и дипломатии Китай добивался доминирования в землях от Амура до Тумангана и от Татарского пролива до границ пустыни Гоби, не говоря уже о сюзеренитете над Кореей.

4. Политика Мин и система управления чжурчжэнями в Нургани

Вопрос о характере и степени политического контроля династии Мин над населением Нургани требует особого изучения. Первые сведения о военном округе Нургань относятся к 12 марта 1404 г., когда, по сообщению хроники *Юнлэ шилу* 永樂實錄 («Правдивые записи об [эре правления] Юнлэ»): «Прибыло посольство от чжурчжэней *хулавэнь*. В результате был создан Нурганьский *вэй*, его командующими были назначены четыре вождя: Баладаха, Аласунь и другие» [28, цз. 26, л. 8а; 12, с. 269]. Как сообщает тот же источник, 5 мая 1409 г.: «65 вождей [народа] *дада* из Нургани – Хуладунну и другие – явились ко двору, и были созданы два *вэя* Фулици и Цилэни, а также *цяньху со* Фудахэ» [28, цз. 92, л. 10а; 12, с. 269].

21 мая того же года было создано главное выездное командное управление Нургань [28, цз. 62, л. 10а]. *Да Мин хуй дянь* 大明會典 («Свод уложений Великой Мин») датирует создание Нурганьского управления 1411 г. [6, цз. 109, л. 86б]. Х. Сэррайс, изучивший всю подборку свидетельств из разных китайских источников о создании Нурганьского управления, отмечает это расхождение, считая более верной датой 1411 г. [6, цз. 13, л. 4а; 33, р. 43; 12, с. 269].

Как уже говорилось, в ведение управления Нургань входили три группы чжурчжэньских племен (Цзяньчжоу, Хайси и *е жэнь*). В отличие от управления Ляодун, штат которого был укомплектован в основном китайцами, управление Нургань возглавили чжурчжэни и монголы

(возможно, чжурчжэни с монгольскими именами, подобно лицам, упомянутым в тексте первой Тырской стелы). Подобно другим минским управлениям, Нургань включало *вэй*, тысячедворные и стодворные военные посты [31, р. 258], но вопрос о том, находились ли упомянутые местные единицы в прямом подчинении Нургани или функционировали параллельно, остаётся открытым [25, с. 89–91].

Как отмечает Линь Тунци, если раздача местным вождям чинов и титулов была лишь юридическим признанием их руководства *de facto*, то назначение чинов управления Нургань отражало волю имперских властей. Так, «атарский»¹³ глава Дуннинского *вэй* Кан Ван, он же – комиссар по умиротворению (*чжаофуши* 招撫使) в землях Нургань, был назначен командующим управлением Нургань за преданную службу и личные заслуги. Хотя этот пост не был наследственным, в 1431 г., после отставки Кан Вана из-за болезни, новым командующим был назначен его сын Кан Фу.

По мнению Линь Тунци, в отличие от Тибета и Кукунора, управление Нургань было не просто символом имперской власти с номинальными функциями, но реальным органом власти, созданным специально для эффективного контроля над чжурчжэнями. Кроме того, минский двор периодически направлял в Нургань инспекторов с охраной и свитой, иногда численность инспекционных групп доходила до 1550 человек. Для упрочения контроля из центра Минь предписали управлению Ляодун содержать все 45 дорожных станций между Ляодуном и Нурганью, а также регулярно патрулировать реки Сунгари и Амур. В зимнее время связь осуществлялась на собачьих упряжках [30, р. 32–33].

В отличие от Линь Тунци и большинства китайских историков 1970-х и 1980-х гг., с 1990 г. в КНР появились публикации, авторы которых предлагают не преувеличивать роль управления Нургань, которое было не более чем «филиалом» управления Ляодун, действовало эпизодически и не имело реальных возможностей для эффективного контроля над Приамурьем и Сахалином. Из Ляодуна в Нургань поставлялись почти все нужные для поддержания имиджа власти людские и материальные ресурсы. В Нургани не было постоянно приписанных чиновников из Китая, а возглавлявшие это управление Кан Ван, Ван Чжаочжоу, Дунтацыха и другие гражданские и военные чиновники *люгуань* 流官, назначавшиеся правительством в местности нацменьшинств, совмещали свои посты в Нургани с основными должностями в управлении Ляодун, где находились большую часть времени и получали жалованье и награды [24, с. 94].

Как бы то ни было, в ознаменование своего успеха в деле подчинения дальних народов минские эмиссары возвели в 1413 г. «на высокой горе», к западу от ставки управления Нургань, храм Юннинсы (Храм Вечного Покоя) и увековечили это событие в надписи, высеченной в камне на трёх языках. А в 1433 г. они восстановили разрушенный храм и установили вторую стелу с текстом на китайском языке.

Дискуссия о статусе «страны Нургань» в начале XV в. в рамках китайской доктрины управления варварами

Определение статуса «страны Нургань» по отношению к Китаю требует учёта как конкретных исторических условий начала XV века, так и общего контекста китайской доктрины управления варварами. Линь Тунцзи и большинство ранних китайских авторов полагают, что земли чжурчжэней, в отличие от монголов, ойратов и вассальной Кореи, были введены в состав империи Мин и рассматривались как её часть, несмотря на слабость правления в периоды ослабления династии [30, р. 33]. По их мнению, которое полностью разделяли учёные КНР в 1970–80-х гг., центральное правительство Мин «осуществляло эффективное правление» в бассейнах рек Амур и Уссури, т.е. в Нургани, о чём свидетельствуют Тырский храм и стелы, равно как и другие источники [29, с. 18, 233, 235, 240; 24, с. 13; 10, с. 20, 29, 34].

В свою очередь, в 1970-х гг. советские историки держались совсем иной точки зрения и доказывали, что структурно Нургань не отличалась от других чжурчжэньских военных округов (*вэев*), создававшихся Минами до и после 1411 г. Как и в других *вэях*, управление в Нургани покоилось на принципах опосредованной «политики привязывания» и вся полнота власти оставалась в руках местных вождей. В Нургани никогда не было постоянных китайских наместников и гарнизонов. Местные вожди сами управляли своими подданными и лишь ежегодно приносили дань местным товаром, а также выполняли особые поручения Минов. Управление Нургань не вошло в списки военных управлений эпохи Мин и не упоминалось в династийной истории после 1411 г., несмотря на серию успешных экспедиций Ишиха. Из этого делается вывод о том, что пограничная политика Мин не предполагала территориальной экспансии и ограничивалась наведением порядка на границах путём установления номинального контроля над туземцами. В частности, экспедиции Ишиха не были военной акцией и не преследовали цель - захватить и присоединить к Минской империи чжурчжэньские земли [12, с. 270–271]. В 1980-х гг. отдельные советские учёные необоснованно утверждали, что Китай никогда не имел военного, политического, культурного или иного влияния в «советских» районах нижнего Амура [7, с. 75]. Более близким к истине, чем названные крайние точки зрения, выглядит мнение В.П. Васильева, ещё в 1863 г. утверждавшего, что хотя «маньчжуры (чжурчжэни. – *В.Г.*) никогда не были подвластны Минской династии... потому что под действительным владением надобно разуметь только такие земли, в которых поставлены китайские чиновники и гарнизоны, оберегающие границу, за всем тем утверждать, что чжурчжэни были вполне независимы, тоже нет возможности... Китай давал чины, титулы, печати и выступал в роли арбитра... Учреждение между ними округов, пожалование чинов не было номинальное. Маньчжуры не смели самовольно распоряжаться в своих землях, они постоянно добивались получить китайские чины» [2, с. 41–42]. Стоит оговориться, что

В.П. Васильев не приводит далее иных конкретных доводов, помимо общих слов о том, что «судоходство по Сунгари, возможно, почти до самого верховья этой реки, свидетельствует... что минское владение в северной Маньчжурии было не совсем номинальное, что китайцы не хотели оставаться в совершенной недеятельности и беспечности в отношении к своим соседям» [2, с. 44].

Упомянутое В.П. Васильевым стремление чжурчжэней к получению китайских чинов на деле ещё не значило, что они не смели самовольно распоряжаться в своих землях. Более того, китайский текст стелы 1413 г. (строка 9) прямо подтверждает, что Мины «в соответствии с туземными условиями учредили *вэи* и *со* (посты), собрали народ прежних племён и предоставили его своему собственному управлению» [5, с. 95].

Вместе с тем, можно согласиться с тезисом В.П. Васильева о том, что хотя Мины и не стремились аннексировать новые северные территории, чрезмерное сосредоточение власти в руках местных вождей также не входило в расчёт китайцев: «китайцы не искали расширения своих земель вне Ляодуна, но не могли не войти в сношения с пограничными жителями и постарались заставить лаской, чтобы они признали себя вассалами империи... Приведение к вассальной покорности чжурчжэней... продолжалось исподволь» [2, с. 48–49].

Применение китайцами указанной тактики ярко иллюстрирует китайский текст всё той же Тырской стелы 1413 г. (строка 9), извещающий, что жителей Нургани «высочайше удостоили чинов и званий, [вручили] печати и грамоты, одарили одеждой, пожаловали богатые дары тканями и бумажными деньгами, а [затем посланники] вернулись» [5, с. 95].

Очевидно, политика Мин в отношении территорий и населения Нургани представляла собой не столько эффективное администрирование и юрисдикцию в рамках точно установленных государственных границ, о чем уже больше века спорят многие авторы, сколько попытки постепенного привлечения и аккультурации на основе традиционной китайской доктрины универсального государственного правления. Последняя исходила из того, что все варвары заведомо принадлежат китайскому миру уже в силу того, что существуют на его периферии, даже если и не включены в систему прямого государственного управления китайской империи. Суть данной доктрины впечатляюще и ёмко выражена в китайском тексте Тырской стелы 1413 г. (строка 16) со ссылкой на *Чжуньчжун*¹⁴: «На всём пространстве, покрываемом небом, носимом землёй, освещаемом солнцем и луной, покрываемом инеем и росой, среди всех, у кого [в жилах течёт] кровь и кто дышит, нет таких, кто не испытывал бы благоговения и почтения [к правителю]» [5, с. 96].

Как известно, подобные взгляды доминировали в Китае с древности вплоть до середины XIX в., когда под натиском колониальных держав китайцы были вынуждены признать западную доктрину суверенитета как эффективного управления землями и подданными государства в пределах жёстко очерченных государственных границ.

Общая оценка степени присутствия и влияния Мин в «стране Нургань»

Как отмечает Х. Сэррайс, дать оценку политической власти и силе китайского влияния на северо-востоке было бы крайне трудно, поскольку известные науке факты не создают полной картины, необходимой для удовлетворительных умозаключений [33, р. 66]. Тем не менее, имеющийся в распоряжении учёных набор фактов и сведений о принципах пограничной политики Мин всё же даёт основания для некоторых, пусть даже неоднозначных заключений.

В целом связи Китая с чжурчжэнями и их соседями в XV в. можно расценивать если и не как равноправные, то в большинстве случаев и не как вассальные [7, с. 65; 8, с. 206]. Хуан Пэй вполне корректно определяет позицию Мин как «невоенную политику непрямого контроля» или, согласно древнекитайской терминологии, «политику привязывания» по отношению к чжурчжэням [31, р. 256–258]. Против наличия эффективной государственной власти Мин в Нургани говорит и целый ряд уже упоминавшихся существенных моментов:

- Управление осуществляли местные вожди, согласно местным обычаям. Как видно из данных источников, эти обычаи не имели ничего общего с культурой Срединной равнины Китая. В частности, Тырская стела 1413 г. содержит подробный перечень этих «диких» обычаев, а авторы китайского текста стелы 1433 г. (строка 6) признают: «обычаи и нравы [туземцев] настолько отличаются, [что] невозможно передать [это] во всей полноте» [5, с. 272].
- Обязанности местных вождей ограничивались эпизодичной посылкой дани и отправкой посольств ко двору императора, соблюдением порядка в своих владениях и номинальным признанием вассальной зависимости. При этом «дикие чжурчжэни» мало волновались об интересах китайцев и иногда просто игнорировали указы минских властей.
- Местные жители не платили регулярных налогов и податей правителям Мин. Они «нерегулярно подносили дань ко двору» [6, цз. 107, § 65], и посылаемая ими дань была, по сути, замаскированной торговлей.
- Контакты между китайцами и туземцами сводились в основном к обмену визитами. При этом главами минских посольств были не китайцы, а инородцы, например, Ишиха (чжурчжэнь из Хайси), Кан Ван и Кан Фу («татары», т.е. в данном случае тоже чжурчжэни) и пр. [33, р. 57; 22, с. 16].
- Нургань относилась к категории опосредованно управляемых «привязующих *вэев*» (*цзими вэй*), т.е. существовавших в особом автономном статусе и ещё не включённых в систему прямого административно-территориального управления Мин. Даже после преобразования Нургани в «главное выездное командное

управление» назначенные на высшие посты Кан Ван и его сын Кан Фу установили в нём, по сути, наследственное правление.

- Управление Нургань вообще не входило в списки главных управлений минской эпохи, и после 1411 г. о нём нет упоминаний в династийной истории *Мин ши* 明史 («История Мин»). А самое последнее известие о Нургани в дворцовых хрониках *Да Мин шилю* 大明實錄 («Правдивые записи о Великой Мин») датировано 2-м месяцем 1434 г., когда Ишиха возвратился из последней экспедиции в столицу [22, с. 38].
- Китайцы не имели надёжного доступа в эти места, что признает и текст Тырской стелы 1433 г. (строки 5–6): «Трудно достигнуть их земель без поездки на лодках... Во времена Хунью отправили послов, [чтобы] достигнуть той страны, но [те послы так и] не добрались» [5, с. 272]. В 1429 г., сославшись на сложность постройки судов, на претерпеваемые солдатами невзгоды и бесполезность столь дальних походов, император отменил экспедицию Ишиха и приказал ему вернуться в столицу [16, с. 55]. Тяготы экспедиций Ишиха делали их настолько опасными и обременительными, что приводили к массовому бегству участников. Согласно *Да Мин шилю*, в 1431 г. Минам пришлось даже издавать указы о розыске и принудительном возвращении более 500 беглых рекрутов, в основном чжурчжэней Ляодуна, не желавших строить суда и укрывшихся вместе со своими вождями среди «диких» чжурчжэней [22, с. 35–36].
- Хотя в общей сложности к 1433 г. Ишиха и другие посланники Мин побывали в Нургани до 7 раз¹⁵, за 20 лет после 1413 г. они приезжали туда лишь 2–3 раза. Поэтому выезды эти были скорее эпизодическими, чем регулярными. Вероятно, из-за отсутствия постоянной связи и сообщений о жизни в Нургани китайцы далеко не сразу узнали про гибель первого храма Юннинсы от пожара и смогли восстановить его лишь много лет спустя.
- Управление Нургань возглавляли посланные из Ляодуна чиновники *люгуань* 流官, совмещавшие свои должности в Нургани с должностями в управлении Ляодун [25, с. 94]. В самом же Тыре не было чиновников из Китая, чьё постоянное присутствие могло бы обеспечить прочный контакт и «сдерживание» туземцев (*цзе шоу цзечжи* 皆受節制) и по сути устранить нужду в столь крупных и дорогостоящих акциях, как экспедиции Ишиха.
- Военные также посылались из управления Ляодун, в основном эскортируя выезды высших чинов в Нургань и обратно. Как гласит китайский текст первой Тырской стелы (строка 7), так было в 1413 г., при выезде «придворного евнуха Ишиха и других во главе чиновников и военных в одну тысячу с лишним человек» [5, с. 94]. При менее помпезных выездах военный эскорт насчитывал лишь от 200 до 300 солдат. В самой же Нурга-

ни не было постоянных гарнизонов китайских войск, что и предопределяло выбор тактики «мягкой» дипломатии. Видимо, именно поэтому, вопреки страхам туземцев, после разрушения храма Ишиха не пытался искать и карать виновных, а просто построил новый храм и установил статую Будды.

- Не только людские (чиновники, рабочая сила, охрана и др.), но и основные материальные ресурсы (транспорт, товары, продовольствие и т.д.) для управления Нургань, а также жалование и награды для возвращавшихся из Нургани служащих выделялись за счёт управления Ляодун, которое было своего рода базой снабжения для управления Нургань. Даже изданный в 1435 г. указ о прекращении снабжения Нургани был адресован главам управления Ляодун, а не управления Нургань [25, с. 94]
- Экспедиции Ишиха были скорее показательными акциями, призванными продемонстрировать влияние и присутствие китайцев, но никак не могут считаться равнозначными постоянному присутствию в Нургани. Несмотря на размах и многолюдность своих экспедиций (до 2000 людей на 50 больших лодках), Ишиха не имел достаточных сил для покорения местных жителей и завоевания огромных территорий, номинально причислявшихся Минами к управлению Нургань.
- Учреждение управления Нургань и крупномасштабные акции, подобные экспедициям Ишиха, не приводили к заметным переменам в законах, обычаях и образе жизни местных жителей [12; 33]. А содержащиеся в надписях на стелах известия о том, что туземцы «прыгали в восторге» и желали быть верноподданными «до детей и внуков», определённо являлись не фактом, а отражением политических амбиций минских властей.
- Видимо, храм Юннинсы не был популярен среди аборигенов. Об этом говорит текст стелы 1433 г. (строка 13), сообщающий о «всех тех *цзилеми*, кто тайно разрушил храм» [5, с. 273] и то, что после пожара туземцы не стали восстанавливать этот храм, а возведённый китайцами в 1433 г. храм тоже просуществовал недолго и погиб в огне пожара [20, с. 19; 9, с. 644; 1, с. 39, 183].

Обобщая вышесказанное, представляется правомерным говорить не столько о реальном политическом управлении, сколько о политике аккумуляции, которую Мины пытались осуществить путем постепенного культурного проникновения [33, р. 67] в низовья Амура. Такое проникновение осуществлялось за счёт особой символической маркировки пространства «цивилизующего» влияния Китая в упомянутых районах. При всех политических амбициях Мин появление Тырских храмов и стел было очень важным, но всё же сугубо паллиативным пропагандистским актом (нередко возводимые по приказу «сверху» храмы и стелы играли аналогичную роль и в самом Китае), сознательно установленным публичным символом культурно-религиозного, «энергетиче-

ского»¹⁶ освоения зоны Амура. По мнению авторов китайского текста стелы 1413 г. (строка 15), это деяние позволило императору Мин превзойти в плане расширения границ даже Яо и Шуня, двух великих правителей древнего Китая [5, с. 96]. Но на деле такое символическое приращение «вассальных» земель на севере, равно как и «приобщённых» серий морских экспедиций Чжэн Хэ на юге, не было равносильно эффективному политическому контролю, т.е. их прямому включению в состав империи Мин и утверждению суверенитета в духе западной доктрины государственности, признанной и принятой в самом Китае лишь во второй половине XIX в. Не стоит преувеличивать и степень внешних культурных влияний на коренные народы Нижнего Амура и Сахалина, коль скоро последние имели свою историю и сохраняли самобытность культуры, взглядов на мир и образа жизни в почти неизменном исконном виде вплоть до XX в. [26; 32, с. 57–59; 17, с. 93].

Факт китайского присутствия в Тыре и других дальних землях Нургани ещё не означал прямого включения этих мест в состав китайской империи в XIV–XV вв., тем более что активные связи династии Мин с чжурчжэнями были весьма недолгими. Их пик пришёлся на годы Юнлэ (1403–1424), но уже с 1435 г., после смерти императора Сюань-цзуна, влияние империи в низовьях Амура стало чисто номинальным, а реальное правление Мин сократилось до границ Ляодуна. В 1449 г., после пленения вождем ойратов минского императора Ин-цзуна, связи Китая с Нижним Приамурьем оказались серьёзно нарушенными. В итоге, резкое прекращение китайской торговли с жителями Приамурья и Сахалина (Нургань), усугублённое затянувшейся на десятилетия враждой Мин с приграничными чжурчжэнями, привело к масштабной перестройке всех региональных экономических связей и, по мнению некоторых авторов, могло стать одной из причин вспыхнувшей в 1456 г. японо-айнской войны [18, с. 3; 8, с. 209–212]. С другой стороны, невозможно поставить под сомнение очевидный факт давнего (уже в XV в.) присутствия китайцев «у высоких берегов Амура» и, в том числе, факт активных политических, экономических и культурных связей Китая с населением «страны Нургань».

Примечания

¹ Тырские стелы – две каменные стелы, установленные в 1413 и 1433 гг. минскими экспедициями во главе с евнухом Ишихой в 100 км от устья Амура, на высоком утёсе у современного села Тыр, в честь постройки и реконструкции храма Вечного Покоя (Юннинсы 永宁寺). В настоящее время хранятся во Владивостоке.

² Яо 堯 и Шунь 舜 – два мифических императора из пяти первых правителей Китая. Их правление считается золотым веком в истории Китая.

³ Хуньу (1368–1398) – годы правления основателя династии Мин, императора Чжу Юаньчжана (Тай-цзу).

⁴ 衛 *вэй* – военный округ, название среднего военно-административного звена при Мин. При императоре Чэн-цзу (1402–1424) в Нургань было 184 *вэй*. Ввиду коренных отличий между армейскими и приграничными *вэями*, во множестве созданными в землях урянхайцев и чжурчжэней в нач. XV в., последние можно обозначать этим термином лишь условно. Под термином *цзими вэй* 羈縻衛 («при-

вязанный *вэй*)), как ещё часто именуются в источниках эти «туземные» *вэй*, имелась в виду не воинская единица, а определённая охраняемая область (военный округ) [12, с. 252, 265].

⁵ Как отмечал Г.В. Мелихов, управление Нургань не входило в официальные списки военных управлений эпохи Мин, и после 1411 г. о нём нет упоминаний в *Мин ши* («Истории [династии] Мин»). Последнее известие о Нургани в хрониках *Да Мин шилю* 大明實錄 («Правдивые записи о правлении [династии] Великая Мин») датировано 2-м месяцем 9-го года Сюаньдэ (1434), когда Ишиха вернулся из последней экспедиции в столицу.

⁶ Урянхайцы – древняя народность монгольского происхождения, причисленная китайцами к потомкам *дун ху* 東胡 («восточных варваров»). Чжурчжэни – тунгусо-маньчжурская народность, издревле населявшая Маньчжурию и Приморский край. Основали династию Цзинь (1115–1234), покорившую весь Северный Китай, но уничтоженную Монгольской империей. При династии Мин их племена ещё сохраняли общий этноним, язык и письменность, но к XVII в. они исчезают с исторической сцены.

⁷ При воспроизведении китайских транскрипций этнонима «чжурчжэнь» нами используется чтение *жучжэнь* 女真, *жучжи* 女直, а не *нуйчжэнь*, *нуйчжи*, поскольку иероглиф 女 *нуй* имеет также чтение *жу*. Кроме того, бином *жучжэнь* может звучать в северокайтайских диалектах как 肅慎 *сушэнь*, что синонимично древнему наименованию предков чжурчжэней [5, с. 56].

⁸ Возможно, на западе они доходили до Иртыша. Подробнее о границах обитания урянхайцев см. [30, р. 10–12; 10, с. 54].

⁹ Древнейшие обитатели Приамурья и Сахалина, относящиеся к палеоазиатам и тесно связанные с местными тунгусо-маньчжурскими народностями [19, с. 861–862].

¹⁰ Чжурчжэньские поселения Холла, Одоли и Тоон, из которых первые два были родиной основателей маньчжурской династии Цин (1644–1911), располагались в междуречье Сунгари и Муданьцзяна, к северу от созданного монголами *вэя* Сань Вань. Стратегическая важность этого района побудила монголов учредить для управления чжурчжэнями особую управу Кайюань (*Кайюань лу* 開元路) с центром на берегах Ляохэ. По этой же причине в 1388 г., сразу после разгрома Накачу, Тайцзу направил в Одоли до 2000 солдат, но из-за перебоев в снабжении войска пришлось отвести в Кайюань [30, р. 14–15].

¹¹ Единственное известие в *Хуньфу шилю* и *Юнлэ шилю* о военных действиях Мин против диких чжурчжэней относится к 5-му месяцу 1396 г. Возможно, других военных акций в период Хуньфу (1368–1398) уже не было вообще [12, с. 253; 15, цз. 239, лл. 1б–2а].

¹² Х. Сэррайс пишет про 14 китайских посольств с 1403 по 1410 гг., о которых говорится в корейском источнике *Лиджо силлок* 李朝實錄 («Летописи династии Ли») [33, р. 57].

¹³ «Гатарами», в общем смысле, китайцы называли всё некайтайское население вдоль северных и северо-восточных границ Китая – в том числе не только монголов, но и чжурчжэней (см. [33, р. 28–37]).

¹⁴ Трактат *Чжуньчжун* («Учение о Середине») – один из канонов «Четверокнижия» (*Луньюй* 論語, *Мэнцзы* 孟子, *Дасюэ* 大學, *Чжуньчжун* 中庸), составленного в XII в. философом Чжу Си и легшего в основу классического конфуцианского образования в Китае эпох Мин и Цин.

¹⁵ По подсчётам Ло Фуи в трактате *Маньчжоу цзиньши чжи* 滿洲金石志, Ишиха со товарищи побывали в Нургани 10 раз, 5 раз в годы Юнлэ (1403–1424) и 5 раз в годы Сюаньдэ (1426–1435). Такую же цифру приводят современные китайские учёные [11]. По мнению Эдзима Хисао, лишь 2 из 7 экспедиций Ишиха были предприняты в годы Сюаньдэ (1426 и 1433) [24, с. 13]. В данном случае мы склонны поддержать мнение японского учёного. Поскольку в тексте стелы 1433 г. прямо говорится о 5 предыдущих поездках Ишиха в Нургань, то в итоге их было не менее шести.

¹⁶ Энергетическое освоение (заполнение, адаптация и подчинение) новых пространств методами геомантии и других практик, т.е. путём упорядочения потоков *ци* с учётом ландшафта, сочетания «пяти стихий» и энергетики всех обитающих в местной округе существ – один из базовых элементов традиционного мировосприятия китайцев. Этот особый способ расширения доминирующего влияния, безусловно, учитывали и строители Юннинсы, на что справедливо указывают многие учёные [1, с. 38, 62].

Литература

1. *Артемов А.Р.* Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура. Владивосток, 2005.
2. *Васильев В.* Сведения о Маньчжурах во времена династий Юань и Мин. СПб., 1863.
3. *Вэй Хуань.* Хуан Мин цзю бянь као (Исследование о десяти границах империи Мин). [Б.м., б.г.]
4. *Головачёв В.Ц.* Значение Тырских стел и храма «Юннин» в оценках мировой историографии // Россия и АТР – Владивосток, 2010. № 3. С. 123–132.
5. *Головачёв В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О.* Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб.: Наука, 2011. 320 с. + 117 рис.
6. Да Мин хуйдянь (Свод уложений Великой Мин). Тайбэй, 1964.
7. *Евсюков В.В.* Чжурчжэни и их отношения с Мин (XV в.) // Восточная Азия и соседние территории в средние века / Отв. ред. д.и.н. *В.Е. Ларичев.* Новосибирск, 1986. С. 64–79.
8. *Кузнецов В.С.* Минская империя и Маньчжурия (XV – начало XVII в.) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 203–225.
9. *Кычанов Е.И., Шавкунов Э.В.* Дальний Восток в XIII–XVI веках // Древняя Сибирь: Макет I тома "Истории Сибири". Улан-Удэ, 1964. С. 639–648.
10. *Ли Цзяньцай.* Миндай дунбэй (Северо-Восточный Китай в эпоху Мин). Шэньян, 1986.
11. *Лу Вэй, Чжан Кэ.* Ишиха ши ся Нуэргань (Десять речных походов Ишиха в Нургань) // Хэйлунцзян миныйцу цункань. 2006. № 6 (95). С. 74–78.
12. *Мелихов Г.В.* Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402–1413 гг.) // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 251–274.
13. *Мелихов Г.В.* Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхаи и Абахае (1591–1644) // Маньчжурское правление в Китае. М., 1983. С. 77–97.
14. Мин дай маммо: сирё (Исторические материалы о монголах и маньчжурах в минскую эпоху). Токио, 1954. Т. 1.
15. Мин шилу (Правдивые записи о правлении [династии] Мин). Нанкин, 1940.
16. *Мэн Сэнь.* Маньчжоу кайго ши цзянья (Лекции по истории образования маньчжурского государства). Пекин, 2006.

17. *Накамура Кадзуюки*. Пин «Мин дай Нуэргань дусы цзи ци вэй со яньцзю» (Рецензия на «Исследование главного управления Нургань и прочих воеводств и караулов эпохи Мин») // Бэйфан вэнь. 1990. № 4. С. 92–93.
18. *Накамура Кадзуюки*. Расшифровка надписей на стелах буддийских храмов в Тыре и её значение в изучении истории айнского народа. Хакодате, [б.г.] (рук.).
19. Народы Сибири / Под ред. *М.Г. Левина, Л.П. Потанова*. М.; Л., 1956.
20. *Попов П.* О Тырских памятниках // ЗВОРАО. 1904. Т. 16, вып. 1. С. 12–20.
21. *Попов П.* Дополнение к статье «О Тырских памятниках» // ЗВОРАО. 1904. Т. 16, вып. 1.
22. *Торш Рюдзо*. Нуэргань дусы као (Исследование главного управления Нургань) // Яньцзин сюэбао. Пекин, 1937.
23. Хуньу шилу (Правдивые записи об [эре правления] Хуньу). Нанкин, 1940.
24. *Цзян Сюсун, Ван Чжаолань*. Цун Юннинсы бэй кань Миндай дунбэй гэ миньцзю дэ гуаньси (Взгляд на отношения народов северо-востока в эпоху Мин с позиции стел храма Юннин) // Лиши цзяосюэ. 1982. № 11. С. 11–15.
25. *Цзян Сюсун, Ван Чжаолань*. Гуаньхой Нуэргань дусы дэ вэньти (О проблемах главного управления Нургань) // Миньцзю яньцзю. 1990. № 6. С. 85–95.
26. *Штернберг Л.Я.* Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933.
27. Юань ши («История династии Юань»). Шанхай, 1958.
28. Юнлэ шилу (Правдивые записи об [эре правления] Юнлэ). Нанкин, 1940.
29. *Ян Ян, Юань Люйкунь, Фу Ланьюнь*. Миндай Нуэргань дусы цзи ци вэй со яньцзю (Исследование Нурганьского главного управления эпохи Мин, а также его воеводств и постов). Хэнань, 1982.
30. *Lin T.G.* Manchuria in the Ming Empire // Nankai Social & Economic Quarterly. 1935. Vol. 8, № 1. P. 1–43.
31. *Pei Huang.* New Light on the Origins of the Manchus // HJAS. 1990. Vol. 50, № 1. P. 239–282.
32. *Sei W.* The Natives of the Lower Reaches of the Amur River as Represented in Chinese Records // MRDTB. 1938. № 10. P. 41–102 + 1 pl.
33. *Serruys H.* Sino-Jürčed Relations during the Yung-lo Period (1403–1424). Wiesbaden, 1955.